

Лана Файбер

Нити судьбы:
Кир Великий

18+

Нити судьбы

Лана Файбер

Нити судьбы: Кир Великий

«Автор»

2026

Файбер Л.

Нити судьбы: Кир Великий / Л. Файбер — «Автор»,
2026 — (Нити судьбы)

Что бывает, когда сны становятся реальностью, а реальность превращается в сон из прошлого?!..Он видел её во снах — годами, ночами, сквозь усталость и будничную рутину. Но никогда не верил, что этот сон станет явью. Кирилл, обычный инженер из Петербурга, не искал приключений — они нашли его сами. На узких улочках Хургады, под шёпот ветра и отблеск заходящего солнца, он взял в руки древний амулет — и мир перевернулся. Очнувшись, Кирилл обнаружил себя в теле царевича Аградата, будущего Кира Великого. Древняя история течёт своим чередом, следуя вековым летописям, но в её суровую ткань вплетается нечто новое — Кассандана. Та самая. Из его снов. И теперь она — живая. Сможет ли человек из будущего изменить ход событий, или именно его появление и было частью великого замысла, начертанного на нитях самой судьбы?

© Файбер Л., 2026

© Автор, 2026

Лана Файбер

Нити судьбы: Кир Великий

Глава 1

Он часто видел сны...

В этих снах он видел ее: легкое почти невесомое создание с черными вьющимися волосами, изумрудными глазами и обезоруживающе искренней, почти детской улыбкой. Она много смеялась и что-то увлеченно рассказывала, но, как он ни старался удержать ее слова, после пробуждения они таяли, словно предраассветный туман.

Иногда между ними случалась близость, и тогда сон превращался во что-то большее – в нечто окрыляющее, почти сакральное. За это он в шутку прозвал её своим «суккубом», хотя она была полной противоположностью легендам: не забирала силы, а, напротив, наполняла ими. После таких ночей он чувствовал себя всемогущим: всё спорилось, а любые преграды казались пустяками...

В юности он искренне верил, что сны – это тонкая нить, ведущая к той самой единственной, и отчаянно искал ее в толпе. С годами эта вера померкла, оставив лишь тихую грусть и горькое понимание: реальный мир редко бывает столь же щедр, как мир грез...

Но жаловаться на отсутствие женского внимания Кириллу не приходилось. Высокий, статный, со спортивным телосложением, он притягивал женские взгляды, и проблем с мимолетными интрижками у него не возникало. Однако – стоило зайти речи, о чем-то большем, как внутри тут же возникал протест. Как бы он ни старался построить отношения, внутренний голос упорно твердил: «Не то... Не она...»

Рядом бывали разные девушки: и хорошие, и плохие, и по-настоящему достойные – добрые, заботливые, из тех, с кем создают уют и растят детей. Но душа к ним не тянулась, а сердце отказывалось трепетать.

«Что со мной не так?» – в минуты меланхолии терзал себя Кирилл. Порой его даже посещала мысль обратиться к психологу, но он тут же раздраженно отмахивался: «Глупость какая. Чтобы я, взрослый мужик, не мог разобраться в себе сам?» Ему не хотелось признавать, что реальность казалась пресной и пустой по сравнению с тем, что он чувствовал в своих снах.

Две недели назад Кирилл поставил точку в очередном романе, честно признавшись себе: «Хватит! Надоело!».

Его бывшая девушка, Ирина, была из тех, кого даже олигарх счел бы роскошным трофеем: бесконечно длинные ноги, пухлые модные губы и густая тень наращенных длинных ресниц. Кирилл и сам, когда-то находил её красивой... но какой-то искусственной, ненастоящей – как журнальная иллюстрация.

Сначала мелочи просто бросались в глаза, а потом начали откровенно бесить. Наращенные ресницы Ирины стали восприниматься слишком тяжелыми и вызывающими, модная форма ногтей – нелепой и совсем неуместной, а "дизайнерские" губы – отталкивающими. Даже ее игривый голосок и тщательно подбираемое кружевное белье начали восприниматься как фальшивая декорация. Все это выглядело дешевым спектаклем, в котором ему надоело играть роль ее партнера.

"А какое оно — настоящее?" — задавался он вопросом.

Ответ приходил во сне... Хрупкая и стройная, словно подросток, но с грацией взрослой женщины. В её взгляде тонули облака, а черты, тонкие и изящные, напоминали Кириллу лица греческих богинь. В ней была та самая естественность, которой отчаянно не хватало в мире ярких фильтров и пустых масок.

Иногда во сне они вместе бродили босиком по росе, и Кириллу казалось, что она не идёт, а парит над землёй. Впрочем, Кирилл ощущал, что он тоже скользит по воздуху, не касаясь ногами земли... Он помнил её руки: длинные изящные пальцы, узкие запястья. Его ночная гостья не боялась испачкать руки или показаться нелепой... Живая и подвижная, она часто что-то делала: готовила кушать, что-то лепила из глины или собирала травы. Порой, она садилась, обхватив колени, и что-то рассказывала, теребя травинку. И эта травинка вдруг обретала особенный, почти сакральный смысл – будто каждый её жест был подсказкой о чём-то важном... Но, о чем?!

Если бы Кирилл знал... Если бы только мог вспомнить...

В ее движениях не было напускной сексуальности присущей современным девушкам, она была настолько естественной, насколько вообще может быть естественной женственность, воплощенная в материальную форму. Но, главное – в ней была огромная внутренняя свобода, которая окрыляла и вдохновляла Кирилла.

Одежду в его снах она носила простую, похожую на греческий хитон, перехваченный на талии тонким изящным поясом. Никаких украшений - словно сама она была драгоценностью, которой не нужна оправа. Единственную вещь, которую он часто видел на ней в снах – был браслет из серебристых столбиков, к нему она относилась как-то особенно, не как к украшению, а - как к своему продолжению. Кирилл не задумывался об этом браслете, он просто был частью ее образа, как черные волосы или зеленые глаза.

Больше всего его завораживал ее голос, звучащий как тихая мелодия: мягкий, обволакивающий, лишенный земной суеты. Она говорила много, вдохновенно, и Кирилл, во сне жадно внимал каждому звуку, чувствуя, как они наполняют его силой и спокойствием. Иногда она смеялась, и ее смех - открытый и звонкий, для него был, как звон серебряных колокольчиков в предраассветной тишине.

Ему было досадно лишь то, что он не мог удержать ни одной ее фразы: после пробуждения реальность смывала их, как морская волна смывает надписи на песке. Смысл ее речей ускользал, оставляя после себя лишь вибрирующее чувство грусти и нежности, как будто он соприкоснулся с чем-то настоящим, чему нет места в серой реальности будней 21 века.

Это было классическое "бегство от самого себя", обернувшееся капитуляцией. Тур, купленный в порыве злости на Ирину, стал его личной ловушкой. Оказалось, что ехать в Египет в конце лета - идея, граничащая с безумием, и ему - представителю интеллектуальной интеллигенции, казалась просто непростительной.

Хургада встретила его не экзотикой, а плотным, липким маревом. Кирилл, привыкший к прохладным невским ветрам и спасительной сырости, чувствовал себя здесь как на другой планете. По питерским меркам, где уже после плюс двадцати пяти хочется спрятаться в тени дворов-колодцев, здешние тридцать с лишним казались чем-то запредельным.

Это не был "ад" в привычном смысле - просто воздух был абсолютно сухим и неподвижным, словно его выгладили гигантским утюгом. Сплит-система в номере работала на пределе, натужно гудя и пытаясь создать хотя бы подобие того комфорта, к которому он привык дома.

Кирилл понимал: он совершил классическую ошибку импульсивного туриста. Купил билет, просто чтобы сбежать.

Что ж, четыре дня из приобретенных семи он уже пережил. Оставалось прожить еще три до спасительного трапа самолета, который унесет его домой – в уютную прохладную тишь квартиры, которая после туристической суеты казалась ему особенно притягательной и безумно желанной.

Кирилл уже успел съездить на одну туристическую «вылазку» в Луксор, откуда привез несколько странных, почти осязаемых впечатлений.

Во-первых, вопреки ожиданиям гида, он не почувствовал себя «песчинкой» на фоне величия Карнакского храма. Напротив, среди исполинских колонн его накрыло странное, ровное безразличие, смешанное с пугающим чувством узнавания. Глядя на массивные блоки песчаника, он не восторгался их масштабом, а ловил себя на мысли, что точно знает, как именно их сюда доставляли. Это было иррациональное ощущение сопричастности: будто он сам когда-то размечал эти плиты или следил за тем, как ложится резец на камень. Он не строил этих храмов, но его руки словно помнили их шероховатость и вес.

Пока гид с придыханием рассказывал о многотонных блоках и загадках их подъема, Кирилл смотрел на кладку и не видел в ней тайны. В голове не было готовых чертежей, но в руках и где-то в солнечном сплетении жила уверенность, что все это - логично, ясно и выполнимо. Ему не хотелось кричать: «Это сделал я!». Его посетила другая, более глубокая мысль: мы просто забыли, как это делается. Как будто человечество потеряло какой-то очень простой навык, вроде умения правильно дышать или ходить по воде.

Во-вторых, его не тронули заученные восторги толпы, но зацепила технологическая простота древних. Как инженер по натуре, он оценивал Луксор не как памятник, а как грандиозную стройплощадку. Пока остальные слушали легенды о богах, Кирилл прикидывал углы наклона и точность подгонки швов, ощущая странное родство с теми, кто возводил эти стены.

Единственным, что вызывало в нем живой отклик, оставался Нил. Словно старый союзник Глядя на воду, Кирилл ощущал, что его связь с этим потоком старше любых храмов. Нил, казалось, знал его — того, настоящего, еще не скованного нормами приличия, питерской пропиской и должностными инструкциями. В этом течении была та же мощь, что и в его снах, та же энергия, которую дарила ему девушка из его сновидений. Кирилл смотрел на воду как на

вечный двигатель, ритм которого он когда-то синхронизировал с биением собственного сердца. Нил был честным: он просто нес жизнь, не требуя жертв и не строя иллюзий.

Вернувшись в Хургаду, он ощутил себя еще более чужим. Современная суэта отеля с её грохочущей музыкой и пластиковым блеском казалась ему не прогрессом, а странным нагромождением сложностей там, где всё должно быть просто.

В этот день планировалась очередная экскурсия. Но жизнь полна сюрпризов и поэтому, когда гид сообщил ему, что автобус сломался (и запланированная «на сегодня» очередная поездка по достопримечательностям в душном пыльном автобусе отменяется), Кирилл почувствовал радостное облегчение.

Новость о том, что не придется снова втискиваться в кресло, пахнущее парфюмом и чужим потом, и слушать бодрые байки гида, была лучшим подарком за весь отпуск.

Однако перспектива возвращения в офис отрезвляла. Кирилл ясно представил себе это утро: едва он переступит порог, как из-за монитора, словно из засады, покажется монументальная фигура Марии Петровны. Она была специалистом «старой закалки» - из тех женщин, чья грудь кажется бронированным щитом, а взгляд способен выявить ошибку в любых расчетах сквозь кирпичную стену.

Мария Петровна не просто работала с цифрами, она властвовала над ними. В офисе ее побаивались и уважали, как стихийное бедствие. Она носила очки на толстой золотой цепочке и обладала той специфической настырностью, которую невозможно игнорировать. Для нее отпуск сотрудника был личным вызовом: она считала своим долгом вытрясти из «отдохнувшего» подробный отчет, подкрепленный вещественными доказательствами.

— Ну, Кирилл Николаевич, и чем же нас порадует заморский край? — этот вопрос, произнесенный ее густым, не терпящим возражений альтом, уже заочно вибрировал у него в ушах.

Кирилл понимал: если он вернется с пустыми руками, Мария Петровна сочтет это личным оскорблением и будет изводить его мелкими придирками до самого Нового года. Сувениры были не просто подарками, это была откупная грамота, легальный способ купить себе право на молчание и спокойную работу.

Застегнув сандалии, он решительно вышел из номера. Ему нужен был рынок. Не глянце-вый торговый центр при отеле, где цены были завышены втрое, а то самое шумное, пропахшее специями и пылью место, где среди гор поддельного папируса и глиняных кошек можно найти что-то достаточно «экзотическое», чтобы удовлетворить аппетиты офисных матрон.

Для Марии Петровны и ее коллег «правильный» подарок — это то, что выглядит дорого, пахнет экзотично и что можно с гордостью поставить на комод или накинуть на плечи под завистливые вздохи подруг. Кирилл, с его циничным взглядом и пониманием «конструкции» вещей, видел рынок насквозь, но готов был сыграть в эту игру. Он шел по рынку с видом человека, заглянувшего на склад бракованной продукции. Его не трогали крики зазывал и приторный запах кальянов — он видел лишь дешевый гипс под видом базальта и синтетику, выдаваемую за хлопок. Но он знал, что нужно «девочкам» из офиса. Для них Египет должен был пахнуть золотом, специями и сказками.

Для Марии Петровны он искал нечто монументальное, под стать ее характеру. Статуэтка Бастет — черной кошки — была бы слишком банальна, а вот тяжелая фигурка Исиды из искусственного камня, покрытого «античной» патиной, подошла идеально. Она выглядела солидно, весомо и несла в себе тот самый дух власти, который она так ценила в себе.

Когда лавочник начал вдохновенно врать о том, что эта статуэтка вырезана вручную из скалы у подножия пирамид, Кирилл лишь сухо приподнял бровь.

— Это литье, — оборвал он его на полуслове. — И лак еще не до конца просох. Сбивай цену втрое, или я пойду к твоему соседу, у которого точно такая же «уникальность» стоит в два раза дешевле.

Торговец, почувствовав в Кирилле не восторженного туриста, а жесткого прагматика, мгновенно сменил тон. Начался настоящий торг — без эмоций, как шахматная партия. В итоге статуэтка была куплена за гроши.

Следом пошли платки из египетского шелка (на самом деле — вискозы, но Кирилл знал, что на ощупь они "самое то") — яркие, с золотой нитью, чтобы сотрудницы могли завернуться в них в прохладном питерском офисе. А для окончательного удара он заглянул в лавку специй. Каркаде цвета венозной крови, крупные стручки ванили и палочки настоящей корицы. Этот аромат гарантированно должен был парализовать волю Марии Петровны на пару недель.

Упаковывая покупки в безвкусный пластиковый пакет, Кирилл чувствовал себя сапером, успешно заложившим мины замедленного действия под офисную дисциплину. Теперь его тылы были надежно прикрыты. Он купил себе право на тишину, расплатившись за него горстью дешевых, но эффектных безделушек.

Кирилл уже собирался развернуться к выходу, как вдруг почувствовал странный импульс — словно невидимая нить, та самая, что заставляет совершать необдуманные поступки, резко натянулась. Ноги сами повели его к неприметному прилавку, заваленному пестрым мусором: пластмассовыми бусами, кричащими индийскими серьгами и дешевой бижутерией, которую так любят туристы.

Он замер, и рука, повинувшись безотчетному порыву, потянулась к краю стола. Там, среди китайского ширпотребя, лежал массивный кулон.

Это был крупный темно-синий прямоугольный граненый кристалл, оправленный в тусклое золото. Оправа была испещрена странной вязью — причудливой смесью рун и клинописи, которую Кирилл, при всей своей начитанности, не мог идентифицировать. Рисунок был слишком сложным, слишком правильным для случайной поделки.

Как только пальцы сомкнулись на холодном металле, по телу прошла волна узнавания. Камень, похожий на глубокий сапфир, оказался неожиданно тяжелым. Он не просто лежал на ладони — он словно заполнял собой пустоту, которую Кирилл носил в себе годами. В этом кулоне не было фальши. Он был холодным, весомым и до боли «своим». Возникло иррациональное, почти пугающее чувство: это не он нашел кулон на пыльном рынке Хургады, это вещь, потерянная много лет назад, наконец-то дождалась своего хозяина.

Кирилл растерянно смотрел на странный предмет, покоившийся в его ладони. Взгляд зацепился за одну из граней кристалла — там виднелся старый глубокий скол. Вещь была повреждена, но в голове Кирилла тут же, вопреки всякой логике, вспыхнула мысль: "Так и должно быть. Он именно такой". Растерянность, прежде чуждая его рациональному уму, теперь разрасталась в душе, затопляя всё пространство.

В этот момент из-за тяжелого полога палатки выглянула девушка. Ее черные глаза, единственное, что было открыто под темной тканью хиджаба, поначалу безразлично скользнули по лицу очередного туриста. Но когда ее взгляд упал на кулон в руке Кирилла, глаза расширились.

Резко откинув ткань, она вышла из полумрака шатра и замерла, уставившись на него так, словно перед ней внезапно воплотилось великое хтоническое существо. В ее взгляде не было страха — только благоговейный, почти религиозный трепет перед чем-то, что нарушило привычный ход вещей.

Мир вокруг, с его криками зазывал и запахом дешевых специй, вдруг стал немым и плоским. Кирилл, чувствуя, как внутри него ворочается какая-то древняя, забытая сила, медленно протянул руку с кулоном к девушке и, к собственному удивлению, глухо спросил:

— Сколько?!

— Ни сколько! — ответила девушка на ломаном английском, а затем добавила с каким-то странным, почти облегчением: — Забирай. Он твой.

Она развернулась так резко, словно её больше ничего не удерживало в этом мире, и мгновенно исчезла в непроницаемой темноте палатки. Кирилл остался стоять один, сжимая в руке холодный кристалл. Он ждал. Подсознание, воспитанное на медиа-культуре, настойчиво шептало, что это нелепый розыгрыш: сейчас из-за угла выскочат люди с камерами, раздастся смех, и всё снова станет понятным и плоским.

Но ничего не происходило. Вокруг по-прежнему висел удушливый зной, зазывалы выкрикивали цены, а у соседней лавки шел яростный торг. Мир оставался вызывающе равнодушным к тому, что только что произошло.

Кирилл сделал шаг к пологу, позвал девушку, но ответом ему была лишь глухая тишина и запах застоялой пыли. Постояв еще минуту, он медленно опустил кулон в карман брюк и побрел в сторону отеля.

Весь его цинизм, всё торжество интеллектуала, который еще полчаса назад забавлялся, ловко сбивая цены на дешевую сувенирку, слетели с него, как песок, сорванный с древних камней внезапным порывом ветра. В кармане, прижимаясь к бедру, лежал груз, тяжесть которого невозможно было измерить в граммах. Египет, от которого он так настойчиво отмахивался, всё-таки настиг его, вручив "подарок", который не предназначался для чужих глаз.

По возвращении в отель Кирилл машинально поужинал, скинул одежду, напроочь забыв о странной находке, и после душа провалился в тяжелый, бездумный сон.

Глава 2

Проснулся он внезапно. Комната была залита неестественно ярким, холодным светом — огромная луна была прямо в окно, выхватывая из темноты углы мебели. Кирилл чертыхнулся про себя и встал, решив задернуть жалюзи. Едва его босые ноги коснулись пола, он почувствовал странную, благородную прохладу. Под ступнями был не дешевый керамогранит отеля, а гладкий, холодный мрамор. Спросонья он лишь мельком отметил это несоответствие, нащупал шлепанцы и, потирая глаза, двинулся к источнику света.

От того, что он увидел, остатки сна смыло как волной....

Окна, к которому он подошел, не существовало. Не было ни привычного пластика рамы, ни стекол, ни пыльных жалюзи. Перед ним зиял пустой, высокий проем, вырезанный в массивной стене. Кирилл замер, чувствуя, как приятный теплый ветерок — не сухой и колючий, как днем, а нежный, пропитанный ароматом речной воды — ласкает его кожу, врываясь в помещение.

Он стоял не в номере "три звезды". А в месте, которое его тело узнавало быстрее, чем разум успевал осознать катастрофичность происходящего. Это была тишина не отеля, а - дворца, где каждый звук тонет в бесконечном величии пространства.

— Не может быть... Я, должно быть, сплю, — прошептал он. В надежде проснуться Кирилл сильно ущипнул себя за руку. Боль оказалась острой и совершенно отчетливой, но наваждение не исчезло.

Он медленно обернулся к комнате. Незнакомые очертания мебели и странные рисунки на стенах заставили сердце забиться чаще. Зажмурившись, он досчитал до пяти и резко открыл глаза — всё осталось прежним.

Посреди просторного покоя возвышалась огромная кровать под тяжелым балдахином. На ней в хаотичном беспорядке покоились десятки подушек, а с края свисало покрывало, обильно расшитое сложным, орнаментальным рисунком. Балдахин покоился на массивных резных столбах, обвитых золотистыми шнурами, которые удерживали ткань с безупречной точностью. Рядом примостился восьмигранный столик. В холодном лунном свете Кирилл разглядел инкрустацию на его ножках: тонкий растительный узор изящно "поднимался" от пола к столешнице, на которой застыли в танце фигурки девушек в прозрачных одеждах.

Другой мебели не было, но пустота не ощущалась — покои казались переполненными застывшим искусством. Пол расходился от центра лучистым четко ориентированным по сторонам радиальным рисунком. Даже в полумраке Кирилл подметил фантастическую строгость геометрии и чистоту исполнения каждого элемента.

Стены и вовсе казались живыми. У самого пола они начинались с густых переплетений фантастических растений, из которых, по мере возвышения, "вырастали" города, пустыни, цветущие сады и моря. Выше тянулись горные хребты, над которыми даже в сумерках угадывалось небо с плывущими облаками и застывшими в полете птицами. Кирилл закинул голову: над ним выгибался идеальный купол, в зените которого, прямо над его головой, застыло золотое солнце.

— Где я, черт возьми? — Кирилл снова ущипнул себя, на этот раз так сильно, что непроизвольно вскрикнул. Но комната и не думала исчезать.

Он лихорадочно принялся восстанавливать в памяти события дня: жара, рынок, сувениры для Марии Петровны... амулет! Последнее, что он помнил — как забирался под одеяло в своем номере в Хургаде.

"Неужели это из-за того камня? — подумал он. — Но тогда кто я? Шейх? Король Марокко или Иордании? Да ну, бред!" Кирилл раздраженно отмахнулся от этой мысли. Всему должно быть логическое объяснение, и он был намерен его найти.

Он снова подошел к оконному проему и посмотрел вниз. Под ним раскинулся огромный сад, залитый лунным светом. Идеально ровные дорожки, вдоль которых выстроились стройные кипарисы и кусты роз, сходились к центральной площадке. Там, в серебристом сиянии ночи, белел круглый каменный фонтан и возвышался крытый шатер. Воздух был густым и сладким — сад благоухал цветущей алычой и тутовником. В самом дальнем углу, под защитой высоких стен, Кирилл разглядел каменную беседку, утопающую в виноградной лозе.

— Где я? – повторил про себя Кирилл.

Он смотрел на этот покой и порядок, пытаясь осознать масштаб происходящего. Внезапно в мозгу, словно помехи на радио, всплыло странное слово, о котором он раньше и понятия не имел. Оно пульсировало в голове, настойчиво и ритмично: Аншан... Аншан...

— И что же я делаю в этом Аншане?! — почти вслух спросил Кирилл.

Ответ пришел мгновенно, словно из ниоткуда: "Я — правитель северного Элама, Аншана и Парсы, предводитель свободных народов Пасаргады, Марафии и Маспии". Титулы развернулись в сознании тяжелым свитком, от которого перехватило дыхание.

"Точно, еда была несвежей. У меня бред, — смущенно подумал Кирилл, хватаясь за эту спасительную мысль как за соломинку. — Сейчас я проморгаюсь, и появится плитка отеля, шум кондиционера и запах хлорки от бассейна".

Но окружающая действительность не спешила рассыпаться. Напротив, она обрела пугающую четкость. Кирилл стоял, вцепившись в холодный камень, и смотрел, как на горизонте из предрассветного тумана проступают очертания города — мощные стены, башни и плоские крыши домов, всё еще спящих в тени гор.

Он еще долго всматривался в очертания прорисовывающегося на горизонте города, и размышлял о том, что является сном, бредом, а что реальностью, когда взошло солнце. Первые лучи сначала несмело, а затем ослепительно-уверенно хлынули в сад. Внизу, в центре площадки, из крытого шатра вальяжно вышел павлин. Птица замерла у фонтана и, словно приветствуя светило, распустила огромный хвост. Кирилл пристально почти заворуженно разглядывал павлина, его утренний моцион на площадке перед фонтаном и ждал... Он и сам не знал, чего он ждал... Он просто стоял, и ждал...

Тишину покоев нарушил глухой рокот открывающихся дверей. Кирилл резко обернулся. Две массивные створки, которые ночью казались лишь темными прямоугольниками в стене, теперь предстали во всем своем грозном величии. На них, в технике чеканки по меди, были изображены исполинские быки. Их золотые рога изгибались, удерживая между собой сияющий диск солнца.

— Солнце... — прошептал Кирилл, и в этот миг "чужая память" выдала информацию, которая прошла его сознание насквозь. — Меня зовут Аградат. Я из рода Ахеменидов. Моя мать — Мандана Мидийская, мой отец — Камбис Ахеменид.

Имена больше не были звуками из учебника истории — они стали плотью и кровью, гордостью и бременем.

Его мысли прервал статный силуэт, возникший в дверном проеме. В комнату заглянула женщина — по её осанке и уверенным движениям Кирилл мгновенно считал статус старшей надсмотрщицы над покоем. Увидев, что повелитель уже встал, она торжественно раздвинула створки шире и отступила в сторону.

Словно по команде, внутрь потянулась вереница девушек-служанок. Они двигались бесшумно, почтительно склонив головы. В руках они несли всё необходимое для утреннего ритуала: медные чаши и кувшины с водой, в которой плавали лепестки роз; свернутые полотна из тончайшего льна и богатые одежды, расшитые золотом. Воздух в комнате мгновенно изменился — запах ночи вытеснили ароматы мирта, свежести и благовоний.

— Мой повелитель, ты сегодня рано встал? — голос женщины, чье имя — Ирдуш — само собой всплыло в сознании, звучал с мягкой, почти материнской заботой. — Что-то потревожило твой сон?

— Да, Ирдуш. Сегодня была слишком яркая луна, я не смог спать, — ответил Кирилл. Голос звучал непривычно глубоко, но уверенно. — Прикажи повесить над оконным проемом отрез плотного шелка, чтобы он оберегал мой покой в такие светлые ночи.

Он отошел от окна к середине комнаты и замер. Кирилл решил не сопротивляться обстоятельствам: раз уж чужая память так услужливо подбрасывает имена, то и тело должно знать, что делать.

Ирдуш едва заметно кивнула. Две девушки тут же отделились от группы и приблизились к нему. У одной в руках был массивный золотой таз, по краям которого тянулись искусно вычеканенные силуэты правителя в парадном облачении. У второй — тяжелый кувшин. Тонкая струя воды ударилась о дно таза, и Кирилл, повинаясь инерции этого чужого тела, наклонился.

Он опустил руки в прохладную воду, зачерпнул её ладонями и омыл лицо. Движения были отточенными, автоматическими, словно он совершал этот ритуал тысячи раз. Пока капли воды стекали по подбородку и бороде, Кирилл окончательно понял: его разум — лишь гость в этом мощном, натренированном теле правителя. Ему оставалось только наблюдать и надеяться, что эта «инерция» не заведет его в тупик раньше, чем он разберется в правилах игры.

Место девушки с тазом заняла другая — она протянула Кириллу расшитое полотно. Он обтер лицо и руки, чувствуя, как каждая клетка тела просыпается для нового дня. Настало время облачения.

Кирилл скинул рубаху, которую тут же, словно драгоценную реликвию, подхватила одна из служанок. Две другие ловко поднесли новую: чистый шелк приятно скользнул по коже, опускаясь вниз под тяжестью густой золотой вышивки по подолу. Следом подали царский халат — настоящий шедевр древних мастеров. Кирилл просовывал руки в рукава, на ходу подмечая детали своим наметанным взглядом: глубокий темно-синий цвет, по бортам — выющаяся вышивка с лотосами, в сердцевине которых были вкраплены крошечные драгоценные камни.

Рукава были широкими, колоколообразными; спереди они ложились тяжелыми складками, а сзади красовались вышитые перья — символ крыльев, готовых поднять своего обладателя над миром.

Последняя девушка держала пояс и головной убор. Шапка была забавной формы — она напомнила Кириллу колпаки гномов из "Белоснежки", только с длинными "ушами" по бокам. Кирилл невольно улыбнулся, глядя на этот "дизайнерский изыск" древности.

Ирдуш протянула ему пояс. Кирилл взял его и, ни секунды не раздумывая над сложностью узлов, опоясался. Он сам поразился тому, как его пальцы помнят каждое движение: вееобразные концы легли на халат безупречно, завершая величественный образ. Наконец, он принял "шапочку гнома", как окрестил её про себя, и с максимально серьезным лицом, стараясь не смотреть на девушек, чтобы не рассмеяться, напялил на голову.

Едва служанки растворились за дверью, Кирилл решительно шагнул к выходу. Он всё еще не знал планировки этого огромного дворца, но чужая память вела его уверенно, словно навигатор. Он миновал длинный коридор с высокими сводами и замер перед другой дверью. Два рослых стража, чьи доспехи тускло мерцали в утреннем свете, синхронно распахнули створки.

За порогом открылся просторный зал, завершающийся величественной аркой. Она вела на огромную террасу, парящую над просыпающимся садом. Там уже ждал накрытый стол, ломящийся от яств, названий которых Кирилл не знал, но чьи ароматы вызывали вполне знакомый, земной голод.

Кирилл осторожно опустился на широкий топчан. Бесчисленные подушки приняли его тело с такой предупредительностью, будто только этого и ждали. Следом за ним на террасу бесшумно скользнули две девушки. Опустившись на колени, они замерли, готовые ловить каждый его взгляд. Одна из них подняла граненый кувшин и наполнила золотую чашу густым, темным вином.

"Ух ты! — весело подумал Кирилл, глядя, как солнечные зайчики играют на поверхности вина. — Неужели теперь так будет всегда?"

Он довольно хмыкнул, чувствуя, как напряжение последних часов отступает. Питерская квартира с ее микроволновкой и Хургада с ее пластиковыми стаканчиками казались теперь лишь дурным, блеклым сном. Здесь все было настоящим: и тяжесть золота в руке, и терпкий вкус напитка, и это пьянящее чувство абсолютной власти, которое, оказывается, так легко распробовать на вкус.

Он сделал глоток. Вино было насыщенным, густым и приятно щекотало нёбо, пробуждая в Кирилле почти зверский аппетит. Окинув взглядом стол, он указал на блюдо с куропаткой — ее румяная корочка золотилась в лучах солнца, источая аромат дичи и меда. Вторая служанка тут же, с хирургической ловкостью, отделила бедрышко и часть бока. Она вопросительно взглянула на повелителя, и, дождавшись его одобрительного кивка, почтительно протянула ему тарелку.

"Как же чертовски хорошо быть царем", — подумал Кирилл, отправляя в рот сочный кусок мяса.

Его циничный ум быстро адаптировался к роскоши. Глядя на бесшумных, закутанных в плотные ткани служанок, он поймал себя на мысли, что этот восточный этикет слишком уж строг. "Какие-то они чересчур одетые, — мелькнула в голове озорная идея. — Надо будет намекнуть Ирдуш, чтобы в следующий раз девушки приходили в легких топах и коротких набедренных повязках. Пусть радуют не только желудок, но и глаза своего повелителя".

От этой мысли Кириллу стало совсем весело. Вино приятно согревало, расслабляя мышцы, а вкусная еда настраивала на благодушный лад. На мгновение ему показалось, что это не "петля времени" и не странная судьба, а заслуженный отпуск, о котором он и мечтать не мог, покупая дешевый тур в Хургаду.

«Если это и бред, то он мне нравится!» - подумал Кирилл. — «И я не хочу его покидать. Но теперь я должен обследовать свою новую реальность и узнать все нюансы моего нового положения. Я – царь! Царь древнего государства!» - Кирилл смаковал эту мысль, наслаждаясь моментом.

После завтрака Кирилл решил прогуляться по своему дворцу. Изучить его. Он обмыл руки в тазу заботливо поднесенному одной из служанок, вытер руки об полотенце и встав с лежака сказал откуда-то возникшей Ирдуш, что хочет прогуляться и чтоб его никто не беспокоил.

Он вышел в коридор и направился прямо, а потом по лестнице вниз он шел, не зная куда, как вдруг сообразил, что ноги вывели его к решетке за которым раскинулся тот самый сад, который он разглядывал с утра.

Открывшееся зрелище мгновенно вытеснило из головы Кирилла мысли о его странном пробуждении в этом мире и того, что его ждет дальше...

Глядя сквозь узорчатую решетку, он чувствовал себя зрителем в самом экзотическом театре мира, где декорации, запахи и звуки были пугающе настоящими.

Кирилл замер, боясь шелохнуться и разрушить эту картину. Теперь он понял, почему сад манил его еще ночью. Возле шатра, в этом оазисе утреннего покоя, расположился его личный «цветник». Девушки наслаждались первыми часами дня, пока солнце еще не вошло в полную силу. Полуобнаженные, в одних лишь тонких шароварах из прозрачных тканей и набедренных повязках и обилии украшений, они выглядели как ожившие статуи из драгоценного дерева и слоновой кости.

Девушка с тонкими чертами лица — Кирилл мысленно окрестил ее Гуль — перебирала струны лютни. Мелодия была тягучей, как горный мед, и удивительно созвучной шелесту листвы. Под этот аккомпанемент две танцовщицы начали свое движение. В их танце не было суеты — только плавная грация. Соприкасаясь спинами, они двигались в такт и их бедра ритмично перекачивались, едва касаясь друг друга, а руки взлетали вверх, плавно перетекая от плеч к кистям. Звон золотых браслетов вплетался в музыку, создавая гипнотический ритм.

В какой-то момент танец наполнился особой, почти интимной нежностью. Девушки кружились, их плечи и бедра двигались с откровенным, но естественным эротизмом. Они касались друг друга мимолетно, едва ощутимо, и в каждом этом жесте было столько нескрываемой неги, что Кирилл почувствовал, как сердце начинает биться в унисон с этим древним ритмом.

"Вот это я понимаю — уровень гостеприимства", — пронеслось в его голове. Он стоял в тени арки, не решаясь шелохнуться, чтобы не спугнуть это хрупкое мгновение красоты, которое казалось ему куда более подлинным, чем всё, что он знал до этого дня.

Он пораился тому, как легко чужая память подставила имена: на площадке перед фонтаном танцевали - Ясмин и Шерин. Глядя на их сплетающиеся в танце тела, Кирилл чувствовал, как мысли о танцовщицах и эротизм их движений приятно щекочет нервы, пробуждая в нём азарт исследователя собственного наследия.

— Ух! — выдохнул про себя Кирилл. — А у меня интересный гарем!

Но его внимание быстро переключилось. Чуть поодаль от играющей Гуль, на широком топчане, разлеглась Фируза. Если танцовщицы были воплощением грации, то она — чистой, концентрированной власти и красоты. Длинноногая, гибкая, Фируза напоминала отдыхающую пуму, скрывающуюся в тени от палящего солнца. В каждом её движении, даже самом ленивом, читалось осознание собственной исключительности.

Она медленно подняла веер из павлиньих перьев. Монотонные взмахи едва касались её полуобнаженной груди, заставляя ту вздыматься в такт движениям, а свободная рука небрежно перебирала камни на золотой цепочке, свисающей с пояса. Фируза не смотрела на остальных, она словно находилась в центре своего собственного, невидимого мира.

"А она знает себе цену, — подумал Кирилл, и в голове тут же всплыло предостережение. — Красива, как рассвет в горах, и, вероятно - столь же опасна".

В его памяти мелькнуло смутное ощущение, что Фируза — не просто наложница, а женщина с характером, способным запутать любого мужчину в тонких сетях интриг. И всё же взгляд Кирилла возвращался к ней снова и снова. В этом саду, пахнущем утренней свежестью и женскими телами, он начинал понимать, почему древние цари так ценили покой за высокими стенами своих дворцов.

— А может, я и ошибаюсь, — успокоил он себя, решив пока не вешать на Фирузу ярлык интриганки, и перевел взгляд на остальных.

Возле огромного подноса с фруктами расположилась троица — Арзу, Дэрья и Гулистан. Девушки о чем-то увлеченно шептались, не замечая ничего вокруг. Гулистан, словно пытаясь оправдать свое имя, целиком отдалась удовольствию: кусочки рахат-лукума один за другим исчезали в её аппетитном ротике. Она делала это с таким упоением, что Кирилл невольно засмотрелся, как она облизывает пальчики, неспешно и чувственно скользя по ним языком.

"Черт! Какой же я развратный! — одернул он себя. — Девушка просто ест сладости, но что при этом вижу и чувствую я?" Кирилл усмехнулся своим мыслям и перевел взгляд на Арзу. Та была симпатична, с крепкой, ладно скроенной фигурой, но в ней не было той искры, что могла бы сразить наповал. "Арзу — Желание... — припомнил он перевод. — Пока не похоже. Хотя, кто знает, может, она из тех, кто раскрывается только за закрытыми дверями".

Наконец, его взгляд остановился на Дэрье. Она была заметно худее остальных, но её лицо было настоящим шедевром. Тонкие черты были настолько безупречно симметричны, что казались творением великого скульптора, а не игрой природы. Именно эта математическая точность красоты делала её в глазах Кирилла-инженера невероятно притягательной.

В саду царила идиллия, и Кирилл чувствовал, как его "цивилизованная" оболочка окончательно дает трещину под натиском этой неприкрытой, древней чувственности.

Танцевальный круг в центре сада ширился, и музыка Гуль становилась всё настойчивее, увлекая за собой новых участниц.

К Ясмин и Шерин присоединились Мэхтеб и Нилофер. Обе были на редкость гибкими, со светлой кожей, которая в утренних лучах казалась почти прозрачной. Они двигались с пугающей синхронностью, словно были частями одного сложного механизма: взмах рук, поворот бедер, шаг назад — всё было выверено до миллиметра. Глядя на них, Кирилл поймал себя на мысли, что эта живая геометрия танца доставляет ему чисто эстетическое, почти экзистенциальное удовольствие.

Но внимание его продолжало скользить дальше, выхватывая новые фрагменты этой живой мозаики.

У самого фонтана, склонившись над зеркальной гладью воды, сидела еще одна девушка. Она была увлечена рыбками, лениво скользящими в глубине, и Кирилл видел лишь её тонкий профиль и изгиб шеи. Она казалась отстраненной от общего веселья, погруженной в свой тихий диалог со стихией. Кирилл не стал задерживать на ней взгляд — в её полуобороте было слишком мало информации для его пытливого ума, и он перевел взор вглубь сада.

Там, под осыпающейся алычой, чьи белые лепестки медленно кружились в воздухе, словно весенний снег, сидела еще одна красавица. Она замерла на корточках, едва не касаясь коленями земли, и с почти детским, замороженным вниманием рассматривала крошечный синий цветок, чудом пробившийся под густым кустом.

В её позе было столько искреннего любопытства, что Кирилл невольно улыбнулся. На фоне эротичных танцев и ленивого поедания сладостей эта сцена выглядела забавно и очень трогательно. Чем мог так привлечь её этот невзрачный цветок? Возможно, в этом мире, где всё подчинено воле повелителя, даже маленькое растение могло стать для неё символом чего-то по-настоящему свободного.

Он стоял у решетки, чувствуя, как внутри него всё сильнее разгорается желание войти в сад. Он был хозяином этого сада, но сейчас чувствовал себя гостем, который боится неловким словом разрушить совершенство момента.

Внезапно гармонию сада прорезал истошный, почти человеческий крик павлина. Гордая птица, потеряв всякое достоинство, метнулась в сторону, смешно перебирая лапами. Кирилл мгновенно перевел взгляд на источник переполоха и невольно хмыкнул.

Виновницей хаоса оказалась совсем юная, невысокая девушка с непослушными каштановыми волосами. Она застыла в боевой стойке, старательно натягивая резинку самодельной рогатки. Забавно сморщив носик и прищурив один глаз, она целилась прямо в роскошный павлиний хвост, готовясь запустить в него очередной "пулей" из абрикосовой косточки.

— Шэхризэд, — пронеслось в голове у Кирилла. — Маленькая озорница!

Имя отозвалось в сознании теплым узнаванием — эта девчонка явно была местным возмутителем спокойствия. На выходку обернулась безупречно симметричная Дэрья и предостерегающе зашипела. Шэхризэд тут же, с воровской ловкостью, спрятала руку с рогаткой за спину и нацепила маску полнейшей невинности.

Впрочем, серьезности её хватило ненадолго. Не способная усидеть на месте, она уже через пару минут перехватила пробежавшего мимо пушистого кота. Устроившись на скамейке под раскидистой смоквой, Шэхризэд принялась энергично теревить его по загривку, пока кот, окончательно смирившийся со своей участью, лениво шурился на солнце.

Кирилл стоял у решетки, окончательно растворившись в этой живой, красочной картине. Время в Аншане текло иначе — тягуче и плавно, словно мед, и он сам не заметил, как солнце поднялось к зениту. Идиллия сада, наполненная звоном браслетов, тихим смехом и запахом цветущей алычи, действовала гипнотически, пока внезапное, вполне земное урчание в желудке не вернуло его к реальности.

Время обеда. Его новое тело требовало топлива, напоминая, что даже демиурги и цари подчинены простым человеческим нуждам.

Кириллу мучительно не хотелось покидать свой пост наблюдателя. Он чувствовал себя коллекционером, который нашел сокровищницу, полную редчайших экземпляров, и теперь боится отвести взгляд, чтобы они не исчезли. Но, бросив последний взгляд на изящный профиль Фирузы и озорную макушку Шэхризэд, он уговорил себя: это не сон, который растает после пробуждения. Это его реальность.

"Я вернусь сюда на закате, — пообещал он себе, и эта мысль отозвалась внизу живота приятным жаром. — Ве

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.